Владимир Княжнин

**ПОХИЩЕНИЕ
(ПЕТЕРБУРГСКИЕ ОКТАВЫ)**

I

На Пряжке (в доме, где теперь трактир,
Найдёшь внизу и мелочную лавку)
С большой семьёй жил старый бригадир.
По памяти выходит так на справку:
В Галаце, в девяносто первом, мир
Был заключён, и вышел он в отставку.
Привёз жену, детей, построил дом
И лет спокойно тридцать прожил в нём.

II

Дом, правда, был весьма не авантажный.
Без плана строен — русским мужиком,
Но каменный и прочный, двухэтажный.
Вверху семья, а низ ходил в наём:
Жил немец мастер Юнг, мастак портняжный,
Да дворянин, возившийся с судом.
А во дворе, ведя свои досуги,
Кой-как ютились крепостные слуги.

III

На вышке стоя, утром турманов
Гонял шестом здесь мальчик с голубятни...
Из синебархатных сиял шелков
Храм Покрова. Как рукожатье братне,
В сем уголке, для добрых простецов,
Казалось, летний полдень благодатней,

I. III.

На Пярнке (в доме, где теперь трактир
 Найдешь внизу и мелочную лавку)
 С большой семьей жил старый бригадир.
 По памяти выходит так на справку:
 В Галаце, в девятую первом, мир
 Был заключен, и вышел он в отставку.
 Привез жену, дѣтей, построил дом
 И лет спокойно тридцать прожил в нем.

II.

Дом, правда, был весьма не авантюрный.
 Без плана строен — русским мужиком,
 Но каменный и прочный, двухэтажный.
 Вверху семья, а низь ходил в наем:
 Жил немец, мастер Юнг, мастак портняжный,
 Да дворянин, возивший с судом.
 А во дворе, ведя свои досуги,
 Кой-как ютились крепостные слуги.

В. Н. Княжнин. Похищение (Петербургские октавы). Автограф.
 Первый лист. Рукописный отдел ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН

Чем где-то за морем! И верный сын
Отечества любил свой мезонин.

IV

В рядах, под осень, кольская морошка,
И птица, и серебристый осетёр...
И тёмным вечерком мерцает плошка,
У булочной досужий разговор.
Зимою там — замёрзшее окошко,
В три цвета будка, средь ледяных гор,
Где будошник под алебардой сонной
И крендель, вовсе снегом заметённый.

V

Зато весною всё оживлено!
Запахнет сладко молодой листвою,
Как в первый раз откроется окно.
Ветр тёплый. Солнце! Взморьем и Невою
Плывут к нам гости, жданные давно.
Уже владеет нежной синевою
Колючих вымпелов высокий строй,
И град гудит, пчелиный словно рой...

VI

Так годы шли. Семья была большая,
Доход был мал, расход всегда велик.
Хозяйством ведала дочь пожилая,
Был недоверчив, скуп ворчун-старик.
Жена, с годами, стала ведьма злая:
Всех мучила, с утра шла брань и крик.
И только Зоя — дочь меньшая Зоя —
Была у них подобием изгоя.

VII

О, тёмные, вишнёвые глаза,
Вы, огневые, с томной поволокой!

Длиннейшая, могучая коса
 Чуть тоньше лишь, чем нежный в сгибе локоть.
 Румянец щёк. И смех... Твоя краса
 Какою веет стариной глубокой!
 Иконы строгость можно в ней сыскать
 И буйную, языческую стать!

VIII

Терпеть отца покоры и попрёки
 Вернулась Зоя, кончив институт,
 И матери, гуляющей в шлафроке,
 Покуда утром горницы метут,
 Выслушивать тяжёлые намёки,
 Что нынче дочек замуж не берут;
 В обед ли, в ужин ли, во время чая
 Покорно слушать всё, не отвечая.

IX

И вспоминался Смольный монастырь,
 Последние особенно два года...
 А здесь — большой под окнами пустырь
 И эта скудная вокруг природа,
 И ночь — неслышный, страшный нетопырь,
 Бушующая в полночь непогода...
 Дня светлого ну как не звать отрад?!
 День наступал, но начинался ад.

X

Фамильная пропала в доме ложка,
 Из серебра. Служила столько лет!
 Кто потерял? Кто вор? И крик: «Матрёшка!
 Ты смела, подлая? Держи ответ!»
 И вон из уха левого серёжка.
 Напрасно плачет, божится, что нет. —
 На С'езжую пошлют посечь примерно
 За то, что господам служила скверно.

XI

Копить деньгу, как скряга Гарпагон,
 Любил старик; ханжил всегда в охоту;
 И презирал, обманывал закон.
 Но жарко, в землю, кланялся киоту,
 И, лишь к вечерням раздавался звон,
 Шла чинно к Покрову семья в субботу:
 Пять человек оставшихся детей,
 За ними бригадир с женой своей.

XII

Когда волнует душу Элоиза,
 Том с начертанием: Jean Jacque Rousseau,
 До ложки ль тут, пропавшей из сервиза?!
 Но на мечты её восстало всё,
 И прозвище родней дано — «маркиза».
 Катится быстрой жизни колесо...
 Ах, лучше не читать, не знать ей галла!
 Два года так она уже страдала.

XIII

На счастье Зои (кто в том виноват,
 Не знаем — жизнь коварная аманда!)
 Случилось, что английский фрегат
 Разбит был в осень бурей у Гогланда.
 Кой-как починен, приведён в Кронштадт,
 Зимой на берег спущена команда.
 И вот вступает в петербургский свет
 Немного странный, светлокудрый швед.

XIV

Давно уж белые носились мухи.
 Настала скука зимних вечеров,
 Когда за картами сидят старухи,
 А молодёжь влечет сумбур балов, —
 О нём пошли рассказы, сплетни, слухи.
 Все спорили — от дам до кучеров, —

Всё разузнать до нитки попытались,
Но, не успев, в догадках растерялись.

XV

Дела такие с каждым чудаком
Случаются в сей жизни лицемерной.
Муштрован крепко, в деле твёрд морском,
Швед молодой был офицер примерный.
Пренебрегал таверной, кабаком,
Не бражничал и не ругался скверно.
Весёлый взгляд, прямой открытый вид —
Он воин был и создан был для битв.

XVI

«Не по сердцу мне что-то бабий скромник!
Д<нрзб.> бы так...» — Изрёк зоил-сосед.
«И швед не швед, и аглицкий наемник.
Худая мышь, у коей на семь бед
Как бы едина щель!» Но бездомовник
Перешагнул чрез оный камуфлет.
Тогда в фаворе был он. И не даром:
От Байрона страдали все угаром.

XVII

На юге, в Греции, пылал пожар, —
В ту пору близилось её восстанье.
«Не швед то был: таинственный корсар!
Он за свободу нёс позор изгнания,
За Грецию готовил здесь удар».
Намёк, рукопожатье, пожеланье
И томный вздох сопровождал не раз
Невиннейший его морской рассказ.

XVIII

Лишь первый шаг порой бывает труден.
Забавник-случай, дело в пустяке.
Судьба свела, а швед был безрассуден:

Он крепость взял, отправясь налегке,
 И речь повёл (хоть слов запас был скуден)
 На ломаном французском языке.
 И чужеземец, на правах героя,
 Был принят в доме черноглазой Зои.

XIX

Настал Великий пост. Зима к концу.
 Прошли балы, на Святках маскарады.
 Не поведёшь своих детей к венцу,
 Не езда в свет, и крепко за наряды
 Ворчали: вишь, наряды не к лицу!
 Но для любимой что́ косые взгляды? —
 Ничто. И вот, когда пришла весна,
 Решила Зоя твёрдо: влюблена!

XX

Читатель скажет: «Что ж! Святое дело!
 Там сговор, свадьба. К этому велось,
 Велось, и преизрядно надоело!»
 Постой, читатель! Шапку снова брось
 На кресло дедово и слушай смело.
 Ужели оком ты проник насквозь
 Иль подглядел последние октавы?
 А ежель нет, то, сударь, вы не правы!

XXI

Скажите лучше: светлый перезвон
 Когда разносится пасхальный, гулкий
 Неделю целую, — не снится ль сон
 Вам радостный и первые прогулки
 Шведа с Зоей, карканье ворон
 (Ох! не к добру!) в Прядильном переулке,
 И то, как хмурый профиль у окна
 Не раз, не два заметила она?

XXII

Швед, исполняя милые капризы,
 Рассказывал, забыв Кронштадтский порт,
 О берегах, где тихо веют бризы,
 И об иных, темнеет где фиорд;
 Как хороши пленительно маркизы
 И аглицкий каков бывает лорд;
 О призраке людей — Fata Morgana,
 О жёнах грешных строгости Корана.

XXIII

Простор ни с чем нельзя сравнить морской!
 Над синей бездной паруса трепещут,
 Фрегат летит, как лебедь молодой.
 Орудия в бортах его скрежещут,
 Матросы пляской тешатся, игрой,
 И волны яростные резво плещут...
 Под вопли чаек, песни Нереид
 Волшебный мир крылатый кажется гид!..

XXIV

В Прядильном переулке дом старинный,
 Скрипит флюгарка с чёрным петушком...
 Не Пасха, нет! Холодный день, пустынный.
 Дождливый, полутёмным вечером
 Особы с рылом некаким кувшинным
 У матери беседа шепотком.
 О чём беседа та в дому знакомом? —
 Зимой не поразило б этак громом!

XXV

Внезап на Финском море грянув, шквал
 Не столь свиреп бывал к пловцам с ладьёю,
 Как бригадир, когда, привстав, сказал:
 «Молитесь, чада! выдал замуж Зою».

XXIX.

Со шведом, нет ли, но пришла беда.
 От шипа дни без пошоп аромата,
 А рабаки гнилим кеваде.
 Над синевом паруса орелата,
 Это уночим зюю навежда
 Навстрелу чудесам морским завету...
 И адмирал на "Русский Инвалид"
 Неделю вы бы намети сердит.

XXX.

Остановись перо, водорки минуток:
 Октава кончена гру десять лет!
 К кому идти читать по первоутку,
 Когда «одни далеке, тех уж нет»?
 Кому шутки в, писанное в шутку,
 Когда Григорьев, Пушкин его и фет?
 Когда на Жуке не смотришь с неженством
 И слово Ег звучит Платословенем?!

1911г. — 1921г. 11.XII. Воскресный
 СПб. Пирр. 28.XI. день.

В. Н. Княжнин. Похищение (Петербургские октавы). Автограф.
 Последний лист. Рукописный отдел ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН

Она: — Жених-то кто же? — «Адмирал».
 Гостинец так за быструю езду
 Летит стремглав из рваного кулька...
 И вот её уж моют с уголька.

XXVI

Блистал зелёный май. А в церкви, плача,
 С дебельым старцем Зоя шла. Свеча
 У ней три раза гасла. Неудача
 И в том, что после жениха парча —
 Ширинка под ноги легла. Маяча,
 Рванули свадьбу кони сгоряча.
 На паперти старухи: «Куропатка!»
 Твердили: «с муженьком не будет сладко».

XXVII

Сидит в светёлке Зоя взаперти.
 От дома шведу разом отказали.
 На улицу ни выйти, ни пройти —
 Всегда она при старом адмирале,
 Хоть продолжает розою цвести.
 Послушлива, но и ни шагу дале.
 И старику всегда ответ готов,
 Одно лишь просит: показать Рамбов*.

XXVIII

Ах, лета золотая безмятежность!
 Игра на клавесине. Так тепло.
 Прогулки дальние, любовь и нежность.
 Закат горит, и дом горит светло.
 Лететь по взморью в синюю безбрежность!
 Полощется ленивое весло...
 А дома встреча: — Каждый шаг мне ведом!
 Изволили вы с кем гулять? Со шведом? —

* Ораниенбаум — в просторечии.

XXIX

Со шведом, нет ли, но пришла беда.
От лип был берег полон аромата,
А рыбаки чинили невода.
Над синевою — паруса фрегата,
Что уносили Зою навсегда
Навстречу чудесам морским заката...
И адмирал на «Русский Инвалид»
Неделю был без памяти сердит.

XXX

Остановись перо, вздохни минутку:
Октавы кончены чрез десять лет!
К кому идти читать по первопутку,
Когда «одни далече, тех уж нет»?
Кому нужны вы, писанные в шутку,
Когда Григорьев, Пушкин есть и Фет?
Когда на Жизнь не смотришь с небреженьем
И слово Ей звучит благословеньем!

1911 г. — 1921 г. 11.XII. Воскресный
СПб. Птрг. 28.XI. день.

Подготовка публикации Наталии Грякаловой